

Виктор Моисеевич Далин

ИСТОРИКИ ФРАНЦИИ

М.: Наука. 1981

В работе рассматриваются основные направления французской исторической мысли XIX–XX столетий. Большое внимание уделяется анализу трудов крупнейших французских историков О.Тьерри, Ф.Гизо, А.Токвиля, А.Матьеза, Ж.Лефевра, М.Блока, Л.Февра, Э.Лабрусса, А.Собуля и других, критике исторических и методологических принципов нового направления в школе «Анналов». В работе анализируется также вклад советских историков, прежде всего Н.М.Лукина, В.П.Волгина и А.З.Манфреда, в изучение Великой французской революции и других узловых событий истории этой страны.

Ответственный редактор **Б.Г. ВЕБЕР**.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Французские историки эпохи Реставрации

Токвиль и Вторая империя (К истории написания «Старого порядка»)

Изучение Великой французской революции в СССР

Кропоткин — историк Великой французской революции

Пути и перепутья Ричарда Кобба

В.П.Волгин и исследование истории французского социализма в СССР

Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов»)

История Франции в советской науке (1965–1975 гг.)

Мастер исторического портрета. «Наполеон Бонапарт»

А.З.Манфреда

Веб-публикация: **Vive Liberta и Век Просвещения, 2012**

Материалы об авторе и ссылки на другие его работы

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>

В изучении Великой французской революции, особенно ее социальной и экономической истории, за последние три четверти века были достигнуты крупнейшие успехи. Еще в 1901 г. Альфонс Олар¹, глава буржуазно-либеральной школы, опубликовал свой лучший труд «Политическая история Великой французской революции», в котором ее социальной истории не было уделено почти никакого места. Но в том же 1901 г. началась публикация четырехтомной «Социалистической истории Французской революции» Жана Жореса², которая явилась первой попыткой социальной интерпретации революции. Этот труд Жореса, ставшего вскоре председателем комиссии по изучению экономической истории революции, оказал значительное влияние на двух наиболее видных историков Французской революции в XX в.: Альбера Матьеза (1874—1932) и Жоржа Лефевра (1874—1959).

Альбер Матьез, выходец из небогатой крестьянской семьи, благодаря своему изумительному трудолюбию и страстной увлеченности историей революции очень быстро прошел первые ступени университетской карьеры. Уже в 1904 г. он защитил докторскую диссертацию «Теофилянтория и декадный культ». Один из талантливейших учеников Олара, он на первых порах шел по стопам своего учителя: в тот период ожесточенной борьбы с клерикализмом в Третьей республике он занимался по преимуществу

¹ Об Оларе см. Лукин Н. М. Избр. труды М., 1960, т. 1, с. 196–218.

² В настоящее время закончена публикация нового, третьего издания «Социалистической истории» под редакцией А. Собуля с его обширными комментариями и введением Э. Лабрусса (*Jaurès J. Histoire socialiste de la Révolution française/Ed. revue et annotée par A. Soboul. Préface par E. Labrousse. Vol. 1—6. Paris, 1968—1972*). По инициативе А. З. Манфреда пачато издание (во второй раз) «Социалистической истории» на русском языке. Первый том (два по тучома) с предисловием А. З. Манфреда вышел в 1976—1977 гг. Второй и третий тома (под редакцией А. В. Адо) вышли в 1978 и 1979 гг.

ром печатался «Жан Кристоф» Ромена Роллана, видна эта вера Матьеца в идеалы социализма и глубокая враждебность капитализму. «Я не нахожу в номере ничего, — писал Матъез в декабре 1900 г. Ш. Пеги после выхода первой книжки журнала, — что могло бы как-нибудь помочь социалистической пропаганде, ничего, что могло бы содействовать социалистическому воспитанию твоих читателей... Я вновь нахожу тот дилетантизм, в котором я тебя уже упрекал. Я не нахожу той страстной критики капиталистического общества, которой я ожидал... Я не льщу себя надеждой переубедить тебя... Но я тебя предупреждаю, что, если твой следующий номер будет похож на предыдущий, не трудись мне его присылать»⁵.

Именно эта вражда к капиталистическому обществу, ненависть к парламентской коррупции Третьей республики, к «торгашам справа и слева»⁶, социалистические убеждения и связанные с этим различия исторических оценок и обусловили, на наш взгляд, разрыв между Матъезом и Оларом, создание в 1907—1908 гг. Общества робеспьеристских исследований и матъезовского журнала «Annales Révolutionnaires»⁷. Этот разрыв дорого обошелся Матъезу: двери Сорбонны были для него закрыты; вплоть до 1926 г. он вынужден был преподавать в провинциальных, второстепенных университетах (Безансон, Дижон). Когда в 1911 г. издатель выдвинул его книгу «Рим и конституционное духовенство во время Учредительного собрания» на соискание премии Академии наук, он с горечью писал тому же Пеги: «Я очень колебался. Академия отказалась хоть в малейшей мере поощрить мои предыдущие работы: «Геофилантропия», «Революция и церковь». Я боюсь, что под куполом (Академии. — В. Д.) мои работы рассматриваются как разрушительные. Они действительно разрушительны по отношению к чудовищным ошибкам, накопленным на протяжении многих лет историками-предпринимателями, не имеющими ни знаний,

(до 1910 г.) религиозной историей революции. Тогда он, по собственному признанию (в письме от 23 ноября 1930 г. к американскому историку Л. Готшалку), не прибегал еще к классовому истолкованию истории³.

Еще в 90-х годах Матъез стал убежденным социалистом, правда тогда еще далеким от марксизма. Из недавно опубликованных писем Матъеза к Шарлю Пеги⁴, редактору известного журнала «Cahiers de la Quinzaine», в кото-

³ «В этот начальный период идея о связи исторического движения с классовой борьбой еще не была у меня доминирующей... хотя уже тогда меня привлекала социальная борьба... и я отдавал предпочтение Робеспьеру, видя в нем наиболее социального из всех революционеров. Антиклерикальная политика привела меня к дагтонистской демагогии, от нее к финансистам («коррупция», дело Ост-Индской компании), отсюда к нищете трудящихся классов («дороговизна»), от нее я перешел к экономическим и социальным проблемам (вантозские декреты, распределение собственности и т. д.). Unê lettre d'Albert Mathiez. — Annales Historiques de la Révolution française (далее — AHRF), 1932, p. 218—220.

⁴ О Ш. Пеги см.: Далин В. М. После раскола дрейфусаров. Люсьен Герр и Шарль Пеги. — В кн.: Далин В. М. Люди и идеи. М., 1970.

⁵ Feuillet Charles Péguy, N 181, 1972, 1 oct., p. 17—18.

⁶ Friguglietti J. Péguy et Albert Mathiez. — Ibid., p. 23; Idem. Mathiez — historien révolutionnaire. 1874—1932. Paris, 1974.

⁷ Немалую роль в этом разрыве сыграл, конечно, и боевой темперамент Матъеза, его непримиримость. В личной беседе с Матъезом мы слышали от него такую оценку Олара: «Олар — историк? Я такого не знаю. Олар — журналист? Вот это другое дело!» Такую же пристрастную оценку Олара — «Это — не историк» — приводит Р. Шнерб в своих воспоминаниях о Матъезе (AHRF, 1932, p. 255).

ни убеждений. Если в глазах Академии преступление искать истину и полностью ее высказывать, я не стану настаивать и буду продолжать свой одинокий путь (*ma marche solitaire*). Время возьмет свое, и если меня не понимают сегодня, то поймут завтра. Я буду ждать»⁸. В это время в Безансоне у Матьеза было только 12 студентов, и он был этим доволен, так как у его предшественника их было всего три. Но, кроме того, Матьез читал публичный курс «Парламентская коррупция при терроре», привлечший много слушателей и легший позднее в основу его известной книги. Ее мишенью были не только дельцы — депутаты Конвента, но и парламентарии современной ему Франции.

Первая империалистическая война многое объяснила Матьезу в социально-экономической политике Конвента, вызванной инфляцией и дороговизной. Из статей, которые он печатал в своем журнале в годы войны, составила впоследствии лучшая его книга «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора», где он уже вплотную приблизился к пониманию хода классовой борьбы в годы революции и ее влияния на всю политическую историю.

Большое влияние оказала на Матьеза Октябрьская революция. Когда он узнал о высокой оценке, которую Ленин давал якобинизму, он пришел в восторг. Ближе его знавший Морис Домманже вспоминает, что чтение ленинских «Очередных задач Советской власти» (написанных в 1918 г. — В. Д.) явилось для него откровением. Сходство проблем, которые революция ставила перед обеими великими странами, несмотря на 125-летний интервал, его поразило. Тогда он взялся за написание «Большевизма и якобинизма», переиздание своей брошюры «Социальный вопрос во время Французской революции», за второе аннотированное издание «Социалистической истории Французской революции» Жореса⁹. 20-е годы были лучшим периодом в научной деятельности Матьеза, когда он в наибольшей мере испытывал на себе влияние марксизма. Несмотря на все свои робеспьеристские преувеличения, он в это время яснее, чем кто-либо из его предшественников, вскрывал социальные корни борьбы между

жирондистами и монтаньярами. К тому времени Матьез добился мирового признания, и в 1926 г. он был привлечен для чтения курса в Сорбонне, но заведование кафедрой так и не было доверено этому «профессору с пикой». 26 февраля 1932 г. Матьез, «пламенный историк пламенной революции», скончался на кафедре во время занятий.

Председателем Общества робеспьеристских исследований и редактором журнала стал Жорж Лефевр¹⁰. Жизненный его путь несколько отличался от матьезовского. Внук ткача, уроженец промышленного севера, социалист с ранних лет и притом близкий к гедистскому направлению, Ж. Лефевр долгое время преподавал в провинциальных лицеях. Только в 1904 г. он начал работу над докторской диссертацией (его одноклассник Матьез в это время ее уже защитил) «Крестьяне департамента Нор» — тема, избранная под влиянием Жореса и И. В. Луичицкого, которого Лефевр высоко ценил. Работа над этой диссертацией отняла у ученого 20 лет — и лишь в 1924 г., в 50-летнем возрасте, он ее защитил. Но она сразу получила восторженное признание. Крупнейший знаток социально-экономической истории, известный бельгийский историк Анри Пиренн назвал ее «жемчужиной французской историографии»¹¹. Положительный отзыв о книге дал А. Матьез; высоко оценили ее и советские историки. Выбор темы был не случаен для Лефевра: с самого начала его интересовала экономическая история, особенно история аграрных отношений, что его явно отличало от Матьеза, у которого не было специально экономических исследований.

Еще до первой мировой войны Лефевр принял деятельное участие в работе жоресовской комиссии по экономической истории революции и издал документы о продовольственном вопросе в дистрикте Берг со своим обширным введением. В 1932 г., вскоре после его избрания председателем общества, Лефевр издал две ценные работы «Великий страх» («*La grande peur*») и «Аграрный вопрос в эпоху террора», где дал исключительно интересный анализ классовой борьбы в деревне во время якобинской диктатуры.

¹⁰ См.: *Собуль А.* Жорж Лефевр — историк Французской революции. — В кн.: Французский ежегодник, 1959. М., 1960, с. 375—394.

¹¹ Характерно, что для защиты Лефевру пришлось издать диссертацию за свой собственный счет и всего в 300 экземплярах. Второе издание «Крестьян...» появилось только в 1959 г., причем в Италии и без статистических таблиц, составлявших обширное приложение к тому.

⁸ *Feuillets...*, N 181, p. 25.

⁹ *Dommanget M.* La Société et les Annales. Cinquante ans d'histoire. — In: *Bi-centenaire de la naissance de Robespierre.* Nancy, 1958, p. 16.

«Аграрный вопрос» сразу привлек к себе внимание советских историков, и Н. М. Лукин писал о ней в том же 1932 г., в год выхода книги, что «впервые публикуемые им (Ж. Лефевром.— В. Д.) документы представляют новый ценнейший материал для марксистского анализа классово-вой борьбы в деревне в эпоху террора в ее сложном переплете»¹².

В 30-х годах появился и ряд других обобщающих статей Лефевра по аграрным проблемам Франции XVIII в. и революции: о размерах крестьянской собственности, об итогах распродажи национальных имуществ, о роли крестьянства в революции¹³. Некоторые положения Лефевра вызывали критику, однако совершенно бесспорно, что вслед за И. В. Лучицким Лефевр внес крупнейший научный вклад в аграрную историю революции, в изучение классовой борьбы во французской деревне.

Как и Матъез, Лефевр придерживался последовательных демократически-социалистических убеждений. С 1935 г. он преподавал в Париже и стал заведующим

¹² Лукин Н. М. Избр труды, т 1, с. 320.

¹³ Lefebvre G. Etudes sur la Révolution française. Paris, 1954.

кафедрой истории Великой французской революции в Сорбонне. Лефевр был убежденным сторонником Народного фронта. Один из его слушателей, о котором мы будем говорить дальше, Р. Кобб, вспоминает о преисполненных энтузиазма, битком набитых студенческих аудиториях, восторженно слушавших в эти годы лекции Лефевра. В годы войны он убежденный враг нацизма. Брат его, географ Теодор Лефевр, был зверски казнен — обезглавлен! — гитлеровцами. Позднее, когда Лефевру предлагали стать членом Академии наук, он категорически отклонил это предложение, мотивируя свой отказ тем, что он не хочет находиться вместе с теми, кто «убивал его брата», с коллаборационистами, которых было немало в составе Академии.

Лефевр, как передают все близко его знавшие, с огромным уважением относился к Ленину. Выступая в 1958 г. в Академии наук СССР с докладом «Ленин и уроки французской истории», Ж. Дюкло так говорил о Матъезе и Лефевре: «Надо также упомянуть об одном историке, который вступил в коммунистическую партию во время ее образования в 1920 г. Это Альбер Матъез, который является одним из лучших, если не самым лучшим французским историком Великой французской революции. Кроме того, Жорж Лефевр — один из лучших французских историков; не будучи коммунистом, он является верным сторонником нашей партии»¹⁴.

Таким образом, нет никакого сомнения в том, что под влиянием марксизма, благодаря Матъезу и Лефевру, а также их многочисленным ученикам и единомышленникам, научное изучение Французской революции в первой половине XX в. ушло далеко вперед по сравнению с оларовской «Политической историей». Как же развивается французская историография Великой французской революции во второй половине нашего века, особенно после смерти Лефевра (28 августа 1959 г.)? О некоторых положительных итогах и некоторых тревожных явлениях нам хотелось бы рассказать как раз в связи с новыми работами Ричарда Кобба.

* * *

В историографии Великой французской революции во второй половине XX в. значительным событием явилось

¹⁴ Дюкло Ж. Ленин и уроки французской истории. — В кн.: Французский ежегодник, 1958. М., 1959, с. 24.

почти одновременное появление трех больших монографий, посвященных изучению роли городских народных низов в революции. В 1958 г. вышла монография Альбера Собуля «Парижские санкюлоты во II году. Народное движение и Революционное правительство»¹⁵, получившая сразу общее признание. В 1959 г. появилась книга Джорджа Рюде «Толпа во Французской революции»¹⁶. В 1960—1963 гг. было опубликовано двухтомное исследование Ричарда Кобба «Революционные армии. Орудие террора в департаментах. Апрель 1793 — флореаль II года»¹⁷. Все три монографии были связаны единством тематики, стремлением изучать историю революции не «сверху», а «снизу»; все три автора в той или иной степени были учениками Жоржа Лефевра, успевшего незадолго до своей кончины ознакомиться с монографиями Собуля и Рюде и давшего о них самый положительный отзыв¹⁸.

Казалось, что именно этим историкам предстоит дальнейшая дружная, совместная разработка этих сложных проблем истории революции в ее кульминационный период. Недаром в предисловии к «Революционным армиям» Р. Кобб, выразив благодарность своим учителям Пьеру Карону и Жоржу Лефевру, с особой теплотой писал: «А. Собуль и Дж. Рюде — мои старые спутники по архивам, мои предшественники, подлинные пионеры в изучении истории санкюлотов»¹⁹. Дж. Рюде в свою очередь в конце 60-х годов в предисловии к своей работе «Париж и Лондон в XVIII столетии» отмечал: «Я в течение многих лет высоко ценил дружбу и сотрудничество А. Собуля и Р. Кобба, которые со времени кончины Лефевра сделали больше, чем кто-либо из историков, чтобы стимулировать

во Франции, Великобритании и Соединенных Штатах интерес к изучению Французской революции»²⁰.

При всей близости позиций трех историков методологические различия между ними обозначились давно. Хотя новейшая исследовательница Алса Жерар в своей работе «Французская революция, мифы и интерпретация» относит Собуля, Рюде и Кобба к числу историков «марксистов-ленинцев»²¹, Р. Кобб никогда марксистом себя не считал. В автобиографическом введении к сборнику своих статей на английском языке «A Second Identity» он указывал: «Собуль и Рюде — марксисты, но я — ни в какой мере» (nothing at all)²². Однако на своем жизненном пути, живо обрисованном им в этом введении, Кобб в течение долгих лет занимал позицию, сближавшую его с А. Собулем и Дж. Рюде.

Францию, как свою вторую родину, Кобб обрел очень рано. Он попал в Париж в январе 1935 г., после того как познакомился с австрийскими тюрьмами и был выслан из Вены. Он начал сразу заниматься историей Французской революции — изучал Матеза, Жореса, П. Карона, Ж. Лефевра, генерала Эрло (автора прекрасной работы о Бушотте как военном министре)²³; они подсказали ему тему для научной работы — о Венсане, секретаре военного министерства во II году. Огромное влияние оказал на Кобба Народный фронт, горячим сторонником которого он стал; он участвовал в знаменитых шествиях 14 июля, когда демонстранты, по его словам, шли «рука об руку с Братством и Надеждой»²⁴, и позднее — в выступлениях, участники которых требовали «самолетов для Испании». В охваченных «неистовым энтузиазмом» аудиториях Сорбонны он слушал лекции Жоржа Лефевра и был тогда «убежденным робеспьеристом». Характерно, однако, что летом 1938 г., во время чехословацкого кризиса и объявленной тогда во Франции мобилизации, Кобб, по собственному признанию, испытал какую-то «смертельную панику» и встретил с «подлинным облегчением» заключение

¹⁵ Soboul A. Les sans-culottes parisiens de l'An II. Mouvement populaire et Gouvernement Révolutionnaire. Paris, 1958 (есть сокращенный русский перевод: Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры/ Под ред. и с предисл. А. З. Манфреда. М., 1966).

¹⁶ Rudé G. The Crowd in the French Revolution. London, 1959.

¹⁷ Cobb R. Les armées révolutionnaires. Instrument de la terreur dans les départements. Avril 1793 — floréal An II. Paris, 1960—1963. Vol. I, II. В 1959 г. вышла также работа норвежского историка К. Теннессона «Поражение санкюлотов» (Tønnesson K. D. La défaite des sans-culottes. Paris, 1959), посвященная последним выступлениям парижских предместий в 1795 г.

¹⁸ ANRF, 1959, p. 164—177.

¹⁹ Cobb R. Les armées révolutionnaires..., vol. 1, p. VII.

²⁰ Rudé G. Paris and London in the Eighteenth Century. Studies in Popular Protest. London, 1970, p. 14.

²¹ Gérard A. La révolution française. Mythes et interprétations. Paris, 1970, p. 108—109.

²² Cobb R. A Second Identity. Essays on France and French History. London, 1969, p. 18.

²³ Об Эрло см. некролог Р. Кобба (ANRF, 1965).

²⁴ Cobb R. A Second Identity..., p. 20.

мюнхенских соглашений — «физически и морально я был мюнхенцем»²⁵. С начала войны он пытался уйти добровольцем во «французские патриотические силы». В 1944 г. вместе с британскими вооруженными силами Кобб вернулся во Францию и в конце 40-х годов вновь оказался в Париже. В первые годы после освобождения Франции он проявлял большую политическую активность и поддерживал Французскую коммунистическую партию. Кобб энергично выступал против проамериканских тенденций, против создания Европейского оборонительного сообщества и вооружения Германии; вместе с Дж. Рюде он редактировал обращения, выступал в печати, статьи его перепечатывала «Humanité».

В начале 50-х годов Р. Кобб целиком сосредоточился на исследовательской деятельности. Он вернулся к теме, подсказанной ему Кароном и Лефевром, и стал изучать вопрос о роли эбертистов в парижском народном движении. Он работал параллельно с Альбером Собулем. Оба пришли к одинаковому выводу — не Эбер и эбертисты были «стартером» движения, не они его организовывали. Собулю посвятил свою диссертацию совершенно «автономному», отнюдь не эбертистскому движению парижских санкюлотов, руководимому секциями и Парижской коммуной, и его монография открыла в известной мере новую страницу в историографии Французской революции. Р. Кобб сосредоточил свое внимание на одном из эпизодов этого народного движения, на Революционных армиях, созданных в результате сентябрьского натиска 1793 г. в Париже и ряде других городских центров. Изучая эти Революционные армии, Р. Кобб проявил исключительное трудолюбие и необычайную любознательность.

Не довольствуясь парижскими архивами, которые он тщательно использовал (особенно архив военного министерства), Кобб добросовестно изучил более 40 департаментских и несколько десятков коммунальных архивов. Список использованных им архивных фондов, по преимуществу провинциальных, занимает в его монографии около 50 страниц, притом напечатанных весьма убористым шрифтом. Недаром один из его английских рецензентов подчеркнул, что по знанию архивов Кобб «не имеет себе равных среди французских или иностранных историков, живых

и мертвых»²⁶. Такую же оценку дали и Марсель Рейнар, бывший одно время руководителем кафедры по истории Французской революции в Сорбонне, и Джордж Рюде²⁷. Новизна темы, очень обстоятельная разработка вопроса о роли парижской Революционной армии в продовольственном снабжении Парижа, в «войне за хлеб», исключительное богатство сведений о кадрах Революционной армии и вообще о «санкюлотском персонале» и его судьбах вплоть до наполеоновского времени, извлеченных из всех этих многочисленных архивных фондов, завоевали исследованию Кобба заслуженное место среди лучших монографий по истории революции, вышедших во второй половине XX в. Значительный интерес представляет и изданный в 1965 г. сборник статей Р. Кобба «Террор и продовольствие. 1793—1795»²⁸.

Но уже и в этих лучших работах Р. Кобба можно проследить некоторые отличительные особенности в понимании задач истории, в оценке революции и ряда коренных вопросов ее развития. О них Кобб рассказал и сам в некрологе Ж. Лефевра, появившемся в 1960 г. То, в чем он упрекал Лефевра и в чем с ним не соглашался, как раз и было ахиллесовой пятой самого Кобба. Главной слабостью Лефевра он считал его «стремление, как и у большинства французских историков, к синтезу». В противоположность этому Кобб и тогда проявлял крайнюю ненависть к тому, что он называл «социологией» (видя в ней «главного врага истории»), к обобщениям, к попыткам создания «научной истории», к поискам каких бы то ни было закономерностей в истории. Кобб уже тогда ставил в вину Лефевру то, что он считал существование классовой борьбы во Франции XVIII в. «исторической реальностью». Кобб называл его «наивным человеком», потому что Лефевр «верил в исторический прогресс». При всем своем громадном уважении к Лефевру как исторiku он считал его все же устаревшим французским республиканцем, своеобразным «неоякобинцем». Он с сожалением подчеркивал, что в последние годы своей жизни Лефевр становился все более «догматичным»

²⁵ Ibid., p. 21.

²⁶ Times Literary Supplement, 1970, Nov., p. 1373.

²⁷ «Ни один из авторов, — писал Рейнар, — не обладает таким исчерпывающим знанием источников, парижских и провинциальных» (ANRF, 1971, N 204); см. также рецензию К. Тейнессона в «Past and Present», сделавшего, однако, в адрес Кобба ряд критических замечаний.

²⁸ Cobb R. Terreur et subsistances. 1793—1795. Paris, 1965.

по отношению к Робеспьеру. Как признает сам Кобб, «Лефевр ненавидел легкомыслие, которое приводило его в бешенство, и никогда не прощал мне высмеивание санкюлотов и богохульство в отношении Робеспьера»²⁹.

Следы этих разногласий нетрудно обнаружить и в «Революционных армиях». Уже на первых страницах этого труда он выступил с нападками на «неоякобинскую» школу, даже на Жореса, упрекая его в «невероятной, религиозной фразе «Робеспьер — это демократия»»³⁰. С того момента, как непогрешимость Робеспьера «становится догмой неоякобинской часовни, невозможно усомниться в «заговоре» (руководителей Революционной армии. — В. Д.), в диктаторских поползновениях Ронсена и в использовании им в своих мрачных замыслах сил Революционной армии. Робеспьер так сказал, значит это верно»³¹. Но при всей своей неприязни к Робеспьеру Кобб тогда объективно признавал, что Робеспьер первым из всех руководителей Горы самым решительным образом выступал в поддержку требования о создании народной армии³². Неприязнь к Робеспьеру его еще не ослепляла, не превратилась в систематическую ненависть.

Все эти уже тогда существовавшие расхождения отступали сперва на второй план. При всем своем «легкомыслии» Кобб был в те годы одним из талантливейших исследователей истории революции, которого особенно выгодно отличал «неистощимый аппетит», по его собственному определению, к дальнейшим архивным поискам.

В 1963 г., как раз в год выхода «Революционных армий», Р. Кобб опубликовал в «Annales historiques de la Révolution française» исключительно теплый некролог о Я. М. Захере, отмечая при этом свою «признательность и благодарность по отношению к народу, которым мы гордимся... советскому народу, бывшему нашим великим союзником в годы борьбы против фашизма». В другом некрологе, опубликованном в том же году и посвященном Жоржу Жавогу, правнuku члена Комвента, казненного в 1796 г. за участие в бабувистской демонстрации в Гренель-

ском лагере, Кобб писал: «Революция не была для него простой семейной традицией... он хранил пламя, убежденность, присущую Матьезу»³³. Это «пламя», эта убежденность были тогда дороги Коббу. К сожалению, именно этого никак нельзя сказать о его новейших трудах.

* * *

Вплоть до конца 60-х годов все книги Кобба выходили на французском языке. В 1969 г. появился первый сборник его статей на английском языке, составленный в основном из статей, уже ранее публиковавшихся в английских периодических изданиях³⁴. В 1970 г. вышел его оригинальный новый труд «Полиция и народ»³⁵ и вслед за ним, в 1972 г. — «Реакция против Французской революции»³⁶.

Вышедшие почти через десять лет после «Революционных армий», книги эти оставляют совершенно иное впечатление. Прежде всего в структуре обеих книг сказались свойственный Коббу «импрессионизм». «Мой предмет хаотичен, — признает он сам, — и я хочу писать о нем хаотически»; это больше всего соответствует «моему несистематическому уму»³⁷. В основу его книги «Полиция и народ» положены два совершенно отличных по содержанию цикла лекций: один — в Дели на тему о полицейских документах как источнике для изучения истории революций, другой — в одном из французских университетов (в Aix-en-Provence) о дороговизне как факторе, вызывающем народные движения. Этот раздел книги наиболее интересен и богат новыми сведениями, обнаруженными в архивах, в частности о движении протеста на почве дороговизны в наполеоновской Франции 1811—1812 гг. Об этих движениях почти никто еще не писал, и это, несомненно, открытие историка. Рука мастера чувствуется и в некоторых разделах новейшей работы «Реакция против Французской революции». И, однако, далеко не это привлекает внимание читателя.

Основным, как нам кажется, является усиленное подчеркивание Р. Коббом тех разногласий, которые отделяют

²⁹ Cobb R. A Second Identity..., p. 91, 95, 98, 100, 107.

³⁰ Кстати сказать, автором этой фразы (в письме к Ж. Бодсону) был не Жорес, а Бабеф еще в 1796 г. (Copie des pièces saisies dans le local que Babeuf occupoit lors de son arrestation, vol. II. Paris, an V (1796), p. 54; см. также: Pages choisies de Babeuf, recueillies... par M. Dommanget. Paris, 1935, p. 286).

³¹ Cobb R. Les armées révolutionnaires..., vol. 1, p. 13.

³² Ibid., p. 35, note 5.

³³ ANRF, 1963, p. 124, 399.

³⁴ Cobb R. A Second Identity...

³⁵ Cobb R. The Police and the People. French Popular Protest, 1789—1820. Oxford, 1970.

³⁶ Cobb R. Reactions to the French Revolution. Oxford, 1972.

³⁷ Cobb R. The Police and the People..., p. XVII—XIX.

его сейчас от прежних единомышленников, прежде всего от А. Собуля и Дж. Рюде. Недаром один из английских рецензентов «Полиции и народа» определил книгу как «динамит, подложенный Коббом под мосты, по которым свободно проходили историки целого поколения, как левые, так и правые»³⁸.

Прежде всего Кобб резко меняет тематику своего исследования и откровенно объясняет причину этого изменения: «Политическая история Французской революции не скучна, она бесконечно увлекательна и является открытым полем для новых исследований... Дело не во Французской революции, а во мне самом (курсив наш.— В. Д.). Я не могу больше проявлять прежний энтузиазм к внутренней истории двух Комитетов — я слишком долго жил ею, — и я нахожу гораздо более привлекательным, даже на высшем уровне, термидорианский период прежде всего потому, что он страшно анархичен и дезорганизован. . . Периоды слабого правительства, очень близкого к анархии, гораздо привлекательнее для исследования, чем периоды действенного и твердого правительства. Самое привлекательное — это периоды слабого правительства, наступающие немедленно после периодов твердого управления»³⁹. Попутно Кобб разъясняет, что привлекало его раньше к теме Революционных армий: «Главная тема моих „Революционных армий“ — это беспомощность даже самого хваленного Революционного правительства перед лицом хорошо организованных групп давления». Даже крепкое Революционное правительство оказывается «пленником и заложником местных незначительных должностных лиц»⁴⁰. Кобб не анализирует классовые пружины этого конфликта — давление крепкого крестьянства на местные органы управления, чтобы удержать хлеб от

централизованного распределения. Теперь для него все сводится к конфликту местных, «полуанархических» властей, которым он явно сочувствует, с централизованным государством. Классовый конфликт, который так ясно вскрывали Матез и Лефевр и который раньше видел и сам Кобб, исчез, и исторический свет и тени расположены сейчас совершенно неверно; скрыт острый конфликт между голодающим городом, армией, сражающейся за республику, и зажиточной деревней с ее «хлебной забастовкой».

Изменение тематики исследования связано не только с интересом Кобба к «слабым» правительствам. Мы помним о той неприязни, которую он проявлял к Робеспьеру и «неоякобинской часовне», вызывавшей его споры с Лефевром и достаточно ясно сказавшейся в «Революционных армиях». Но тогда он способен был все же объективно признавать роль Робеспьера, хотя бы в вопросе о создании этих армий. Сейчас его отношение к Робеспьеру и Революционному правительству лишено и тени какой бы то ни было исторической объективности. Кобб согласился с мнением рецензента «Times Literary Supplement», что его главная слабость как историка в том, что он не способен проявлять симпатии к людям, которые стремятся к власти независимо от того, руководствуются ли они добрыми или злыми мотивами. Но он не собирается смягчать эту свою позицию: «Я еще готов, — пишет Кобб, — понять тех, кем руководит желание осуществлять зло... но я должен сознаться в своем крайнем отвращении к Робеспьеру не только из-за того, что он делал, из-за того, что он так скучно и вымученно говорил, но и потому, что он представляет собой фарисейство, самодовольство, упрямство, отсутствие понимания других людей и пуританизм»⁴¹.

В «Second Identity» Кобб так изображает эволюцию своего отношения к Робеспьеру: «В середине 1935 г. я был убежденным робеспьеристом; это можно извинить тем, что мне не было еще 18 лет. Я растерял большую часть своего робеспьеризма, когда в середине 40-х годов возобновил свои исследования; сейчас нет исторической личности, которую я считал бы более отталкивающей, чем Робеспьер, за исключением, пожалуй, только Сен-Жюста»⁴². К Сен-Жюсту он действительно совершенно беспощаден; он называет его «бесстрастным кровопийцей»⁴³,

⁴¹ Cobb R. Reactions..., p. 5.

⁴² Cobb R. A Second Identity..., p. 17.

⁴³ Cobb R. The Police and the People..., p. 169.

³⁸ Times Literary Supplement, 1970, 22 Nov., p. 1373. Своеобразным «манифестом» называет эту книгу и Олвен Гафтон (Hufton) (English Historical Review, 1971, Oct.); см. также рецензию R. Palmer'a в «American Historical Review» (1973, N 2, p. 453); «Прочитав, нельзя не поразиться тому, во что превратилось в Оксфорде изучение Французской революции после Дж.-М. Томпсона. . . Встает вопрос, какое отношение к Французской революции имеет вообще эта книга». Дж.-М. Томпсон — профессор в Оксфорде (по профессии — священник), превосходный знаток истории революции, занимавший очень левые позиции, защищавший Робеспьера.

³⁹ Cobb R. Reactions..., p. 6—7.

⁴⁰ Ibid.

«воинствующим тоталитаристом», пытавшимся создать «отвратительный спартанский карточный домик»⁴⁴.

В своей запальчивости Кобб настолько далек от объективности, что даже к Бареру проявляет гораздо больше симпатии и противопоставляет его Робеспьеру: «Барер гораздо более удачливый революционер — и пусть нам будет позволено это сказать — гораздо более приятный человек, чем Робеспьер, и к тому же он дожил до 40-х годов»⁴⁵. Барер в самом деле дожил до 1841 г. и пережил почти на полвека Максимилиана Робеспьера. Но когда Лео Джершуа (L. Gershou) попытался в своей монографии о Барере несколько смягчить общепринятую оценку «политического хамелеона», Ж. Годшо писал: «Его (Барера.— В. Д.) поведение после 1795 г. отличается такой бесхарактерностью, которая не может не вызывать презрения»⁴⁶. Даже 9 термидора Кобб ставит в вину Робеспьеру — он видит в нем сознательное «политическое самоубийство» и именно в этой связи противопоставляет ему «удачливого» Барера.

Этой позиции Кобба мы не можем не противопоставить ту оценку Робеспьера, которую дал ему Лефевр в статье, опубликованной им незадолго до своей кончины, «Памяти Максимилиана Робеспьера». «Этой памяти,— писал Лефевр,— во Франции верны многие. Председатель Общества робеспьеристских исследований с 1932 г., со времени смерти А. Матьеза, я не раз объяснял, почему мы сохраняем по отношению к Робеспьеру наше уважение... С нашей точки зрения, он наиболее выдающийся из первых вождей французской демократии... В силу трагической судьбы этот человек, который пытался отстранить от революции смертельную опасность, вынужден был принять на себя ответственность за общественное спасение. Мы чтим в нем неподкупного вдохновителя революционного сопротивления французской и европейской аристократии, выступившей с оружием в руках по одну и по другую сторону границы». Сравнивая Карно с Робеспьером, Лефевр писал: «Карно был консерватором; для него было достаточно того, что республика открыла народу двери начальной школы, тогда как Робеспьер и Сен-Жюст отводили республике совсем иную миссию. Оскорбляя их па-

мять после того, как они их убили, термидорианцы хорошо знали, что они делали, они надеялись уничтожить Народный фронт монтаньяров, якобинцев, санкюлотов и навсегда уничтожить народную демократию, прообраз которой появился во II году нашей республики»⁴⁷. В этих словах, преисполненных достоинства, искреннего, глубокого убеждения, основанных на многолетнем изучении революции, неизмеримо больше исторической правды, чем в нападках Кобба.

Отметим попутно, что, хотя Кобб никак не может обвинить в «холодной кровожадности» Бабефа (он сам ссылается на его знаменитое письмо в июле 1789 г.), он не проявляет ни малейшего интереса, никакой симпатии к движению «равных», пазывая его «бессмысленным» (inane)⁴⁸, совершенно лишенным связей с народом. «В нем не было ничего «народного», хотя Бабеф и его друзья были склонны к тому, чтобы использовать народ как пушечное мясо, чтобы завоевать путем кровавого переворота революционную диктатуру»⁴⁹; «Руссо так же бесполезен для понимания санкюлотов, как и Бабеф»⁵⁰; «заговор равных до наших дней продолжает надоедать историкам»⁵¹. С тем самым «легкомыслием», которое, как вспоминает сам Кобб, приводило в бешенство Ж. Лефевра, он пишет в связи с книгой Э. Гобсбаума «The Primitive Rebels»: «бандиты (в отличие от Бабефа) никогда не бывают скучны»⁵².

Неприязнь Кобба к Робеспьеру была известна и раньше, но затем она приняла совершенно невероятные формы. Но самое характерное для его новых работ — это пересмотр взглядов на санкюлотское движение, его роль и значение в революции. Кобб считает, что только изучение событий III года и всего последующего полного упадка народного движения дает объяснение того, чем же являлось это движение (в своей последней книге Кобб неизменно берет это слово в кавычки) во II году. Вопрос вовсе не в том, почему санкюлотское движение потерпело неудачу, почему оно пришло в упадок в 1795 г., как раз тогда, когда

⁴⁷ *Lefebvre G. A la mémoire de Maximilien Robespierre.*— In: Maximilien Robespierre. 2. Aufl. Berlin, 1961, S. 9, 15, 17.

⁴⁸ *Cobb R. Reactions...*, p. 115.

⁴⁹ *Cobb R. The Police and the People...*, p. 194.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 206.

⁵¹ *Ibid.*, p. 17.

⁵² *Cobb R. Reactions...*, p. 12.

⁴⁴ *Cobb R. Reactions...*, p. 19.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 6.

⁴⁶ АНRF, 1963, p. 247.

оно набирало полную силу в Англии. Вопрос в том, «в силу какого чуда» санкюлотам удалось, «хотя бы временно и частично, добиться успеха»⁵³. История народных движений вообще — это «история неудач, разочарования и безнадежности»⁵⁴, их отличает «половинчатость, непоследовательность, бесконечная дробность»⁵⁵. И если во II году народному движению на короткий промежуток времени удалось добиться успеха, то это «случайность» (un accident), обусловленная войной.

Самый термин «санкюлот», которым раньше Кобб неизменно пользовался, способен только «вводить в заблуждение», это «неуловимое и скользкое понятие», оно может быть полезно «для интеллектуальных упражнений, но оно способно привести только к дурно написанной истории». Вопреки тому что он утверждал прежде, Кобб считает «скучное и повторяющееся» определение «толпы» у Рюде слишком «респектабельным». Кобб иронизирует над всегдашней готовностью этой толпы у Рюде «выступить во вторник, напиться в кабачке на следующий день, уничтожить молотилку, если есть молотилка, выступить на базаре, если случится базарный день»⁵⁶.

Так же саркастически отзывается он теперь об определении «санкюлотского движения» у Собуля — «неуклюжее, непродуманное, точно дешевая распродажа на рынке» («crude jumble-sale»).

По мнению Кобба, санкюлотов никак нельзя определить по их классовой принадлежности; у них нет единой социальной или политической программы, их отличает «крайний индивидуализм и большая доля анархии»⁵⁷. Только в этом он видит «квинтэссенцию» санкюлотизма.

Кобба тяготят споры о роли санкюлотского движения. «Мы так много занимались санкюлотами, санкюлотизмом... что мы устали и пресыщены им. . . Может быть, они и слышали об этом слове, может быть, и произносили его, но похоже на то, что о „движении“ они никакого понятия

не имели. В конце концов,— иронизирует Кобб,— они не были читателями „Past and Present“»⁵⁸.

«Санкюлотское движение является исторической абстракцией» — таков его заключительный вывод. В такой же мере «чрезвычайно преувеличен и упрощен, в смысле классовой характеристики политических методов и программы, конфликт между санкюлотами и Революционным правительством. Сами санкюлоты и не знали, что они вступили в такой конфликт. Не представляя собой никакой политической, экономической или социальной общности, могли ли санкюлоты представлять хотя бы мимолетную угрозу для Революционного правительства? Разумеется, они никогда об этом и не думали»⁵⁹.

Можно было бы сказать, что в этих замечаниях Кобба есть какая-то доля истины — конфликт между якобинцами и санкюлотами иногда толкуется слишком прямолинейно, и во всяком случае, несмотря на все противоречия, между ними не произошло разрыва. Но за критическими замечаниями Кобба стоит по существу нечто гораздо большее — он вообще отрицает самостоятельную роль народных масс даже в те исторические эпохи, когда им, по ленинскому определению, удавалось наложить свой отпечаток на ход исторического развития. Кобб усиленно подчеркивает, что и в парижском санкюлотском движении II года, которое он все же рассматривает как счастливое исключение, участвовали только представители ничтожного меньшинства, «элиты». Но тем самым Кобб не только перечеркивает, как справедливо отметил в своей рецензии на «Полицию и народ» Дж. Рюде, все достижения историографии революции последних десятилетий⁶⁰, но и отступает далеко назад от того интуитивного, но во многом весьма прозорливого представления о роли санкюлотов в революции, которое — 135 лет назад! — отстаивал Томас Карлейль, и от тех оценок, которые давал П. Кропоткин, которого сам же Кобб считал «самым проникательным»⁶¹ из всех историков Французской революции.

Кобб предвидит все эти возражения: «Может показаться, что он (Кобб. — В. Д.) сводит санкюлотское движение к таким ничтожно малым размерам, что оно, как шагреневая

⁵³ Cobb R. The Police and the People..., p. 199—200.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid., p. 80.

⁵⁶ Cobb R. Reactions..., p. 121. Недаром Э. Леруа-Ладюри свою рецензию на последнюю книгу Кобба озаглавил «Санкюлоты на скамье подсудимых» (*Le Roy Ladurie E. Les sans-culottes sur la sellette*).

⁵⁷ Cobb R. The Police and the People..., p. 200.

⁵⁸ Ibid. «Past and Present», как известно, исторический журнал в Англии, близкий к марксизму, в котором сотрудничал и Кобб.

⁵⁹ Cobb R. The Police and the People..., p. 200.

⁶⁰ ANRF, 1971, N 204.

⁶¹ Cobb R. Les armées révolutionnaires..., vol. 1, p. 13, note 57.

кожа, почти что исчезает». Против такого толкования Кобб возражает, но все же со всей силой подчеркивает, что это движение «ни в коей мере не имело такого последовательного и прямолинейного характера, который пытаются ему придать»⁶².

В своей последней книге Р. Кобб еще более категоричен: «В конце концов санкюлотизм оказался таким же бесполезным определением... как и старое, когда-то очень почтенное, теперь разрушенное, потерявшее какое-либо уважение в общественном мнении... беззубое определение революционной буржуазии»⁶³. Но тут Кобб уже явно сближается с тем направлением в англо-американской историографии, которое возглавлял А. Коббен, озаглавивший когда-то свою вводную лекцию «Французская революция как миф». Эта точка зрения была во многом поддержана Роланом Мунье, который писал в 1967 г.: «Я просматривал недавно такие знаменитые работы, как труды Лефевра; в свете нынешнего социального анализа они уже отстали. *Нужно полностью пересмотреть вопрос* (курсив наш. — В. Д.). Вероятно, Коббен был прав, и нам предстоит вскоре заново переписать всю историю Французской революции, дав гораздо более глубокий социальный анализ»⁶⁴. В каком духе собирались сторонники А. Коббена пересматривать социальную историю революции, можно судить по статье Франсуа Фюре «Революционный катехизис», в которой один из параграфов озаглавлен «Метафизический персонаж: „буржуазная революция“»⁶⁵.

«Все указательные столбы исчезли, — считает и Кобб, — уничтожены все коллективные определения. Что же остается? Как можно писать историю Французской революции в национальном масштабе, когда каждая местность имеет свои законы и все выглядит не таким, каким оно представлялось с первого взгляда»⁶⁶. По его мнению, остается один метод — биографический подход («personal case history»).⁶⁷ После долгих лет исследования социальных структур,

оказавшегося, с точки зрения Кобба, совершенно бесплодным, нужно вернуться к более привычному «биографическому подходу»⁶⁷.

К этому методу он, собственно, уже прибегал. В «Революционных армиях» есть множество биографий «революционеров», деятелей Революционных армий, притом, к чести Кобба, не только офицеров, но и «политических солдат». Упорные архивные поиски давали свои плоды: та задача, которую историк ставил перед собой, — превратить «мертвых в живых» — удачно им репалась. Но сейчас в применении этого метода у Кобба тоже появилось нечто новое.

«На одного человека, который с восторгом прислушивается к звукам военной трубы, — пишет он, — приходится десять человек, которые затыкают уши, не желая слушать эту страшную музыку»⁶⁸. И в 1935 г., и в 50-х годах сам Кобб, как замороженный, прислушивался к этой «музыке», ему было дорого это «пламя», и с величайшим уважением он писал о людях, сохранивших веру и преданность идеям революции, как, например, о генерале Эрло, одном из друзей А. Матьеза⁶⁹. Но сейчас его внимание привлекают те «десять», которые этой музыки страшатся: «Революционные ситуации являются захватывающими сами по себе и как предмет изучения для историка, но я думаю, что они должны быть отвратительны для тех, кто должен жить в это время... Но многим удавалось жить вне этого события, некоторые его почти и не чувствовали. Именно ими я и интересуюсь»⁷⁰. Теперь Кобба привлекают «люди, не связанные никакими группами, не получающие никакой почты, одинокие, без всяких видимых занятий блуждающие по улицам». «Проникнуть в мир за закрытыми дверями, — так формулирует Кобб свою задачу, — в обителица обездоленных, безымянных, запуганных, лишенных семьи, безразличных, суеверных, слепых, глухих, калек... самых бедных, совершенно одиноких, тех, кто не оставляет после себя никаких следов»⁷¹.

Может быть, Кобб искренен. Но почему же он так презрительно относится к тем, кто, как Бабеф, пожертвовал своей жизнью именно во имя этих «самых обездо-

⁶² Cobb R. The Police and the People..., p. 200.

⁶³ Cobb R. Reactions..., p. 121.

⁶⁴ Niveaux de culture et des groupes sociaux. Paris, 1967, p. 170.

⁶⁵ Furet F. Le catéchisme révolutionnaire.— Annales, 1971, N 2, p. 279 (перепечатана в кн.: Furet F. Penser la Révolution française. Paris, 1978). См. интересную критическую рецензию Кобба: Cobb R. Nous, les Annales (перепечатана в кн. «A Second Identity...») на книгу Ф. Фюре и Д. Риче (F. Furet et D. Richet) о Французской революции.

⁶⁶ Cobb R. Reactions..., p. 124.

⁶⁷ Ibid., p. 76.

⁶⁸ Ibid., p. 127.

⁶⁹ AHRF, 1965, N 182.

⁷⁰ Cobb R. Reactions..., p. 12—14.

⁷¹ Ibid., p. 126.

ленных»? Почему Кобб со своих новых позиций считает участников монархических банд «более интересными», чем «бюрократов-террористов», ибо они «не созданы по шаблону и не подвержены давлению какой-либо коллективной ортодоксии»? ⁷² Чем же еще, как не крайним анархо-индивидуализмом Кобба, считающего, что он занимается историей только «для собственного развлечения» (*my own enjoyment*), можно объяснить, что в своих последних исследованиях, в цикле лекций, прочитанных им в Collège de France, он обратился к изучению уголовного мира Парижа?

Р. Кобб считает, что самая большая опасность для историка, переступившего порог 50 лет, — повторять самого себя. Этой опасности он хочет во что бы то ни стало избежать и успокаивает себя надеждой, что хотя он и продвигается «ощупью», но все же по мере того, как делается старше, «становится лучше» ⁷³. Но так ли это? Последняя его работа посвящена изучению «некоторых аспектов уголовной преступности в Париже в годы Директории». Неужели Р. Кобб в самом деле считает, что это шаг вперед по сравнению с «Революционными армиями»? Мы позволим себе глубоко в этом усомниться.

По поводу «Полиции и народа» Дж. Рюде писал: «Эта книга окольными путями, если не прямо, оспаривает ряд основных положений большинства работ, посвященных революции, за последние 50 лет... Это должно вызвать возражения у авторов, воспитанных в республиканской традиции Матьева и Лефевра» ⁷⁴. Последняя книга Кобба может только углубить и обострить эти расхождения между ним и теми, кому дороги научные достижения историографии Французской революции в XX в., ее демократические традиции, кому по-прежнему дорого ее пламя.

Некоторые тематически связанные материалы

В. Далин. О новых работах Ричарда Кобба

http://vive-liberta.narod.ru/journal/dalin_fe-73.pdf

А.Адо. Предисловие к сборнику "Буржуазия и Великая французская революция"

<http://vive-liberta.diary.ru/p176192923.htm?oam#more1>

А.Собуль. Классическая историография

французской революции. О нынешних спорах

http://vive-liberta.narod.ru/journal/soboul_fe-76.pdf

А.Манфред. О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой французской революции

http://vive-liberta.narod.ru/journal/manfred_fe-76.pdf

В.Ревуненков. К истории споров

о Великой французской революции

http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_70_jacobdict.htm#1989

З.Чеканцева. Эпистемологическая природа

«ревизионистской атаки» на «классическое» видение Французской революции XVIII в.

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/chekanz3.pdf>

⁷² Ibid., p. 13.

⁷³ Ibid., p. 16—17.

⁷⁴ АНRF, 1971, N 204, p. 316.